

Свежевыпавший снег ослепительно сверкал, отражая белёсое зимнее небо. Чтобы ученики не клевали носом во время занятий, наставник велел настезь отворить окна. Хуже всего пришлось Цзи Линьси: его место у самого окна в последнем ряду оказалось на пути пронизывающего ледяного ветра. Юноша сидел за столом, сжимая книгу окоченевшими, посиневшими пальцами, но лишь плотнее стискивал зубы, не позволяя себе дрогнуть.

Холод был ему не в новизну. В детстве случалось терпеть и не такое, так стоит ли жаловаться теперь?

Распахнув окна, преподаватель вернулся на кафедру и продолжил лекцию по истории.

Хотя в двенадцать-тринадцать лет Цзи Линьси, прислуживая в академии, тайком подслушивал уроки, а позже и сам читал немало всяких книжонок, набравшись поверхностных знаний, всё это не было истинным учением. Его знания были обрывочны, а склад ума далёк от канонического. И пока другие ученики внимали рассказам о преданности героев императору и сыновней почтительности, он же слышал лишь о хитроумных кознях и способах, которыми второстепенные персонажи добивались власти и наслаждений.

Их пути с учителем и соучениками изначально пролегли в разных плоскостях.

Впрочем, это не мешало Линьси слушать с предельной сосредоточенностью. Заметив такое рвение, наставник удивлённо приподнял бровь и велел юноше подняться. Тот сжал кулаки, пытаясь согреть ладони, и, опершись о край стола, встал.

— Учитель.

Мужчина посмотрел на статного ученика и задал вопрос. Задача была не из трудных: требовалось изложить суть реформы той династии, о которой только что шла речь. Во время лекции наставник упомянул об этом лишь вскользь, полагая, что большинство присутствующих знают подобные вещи назубок. Но именно это и поставило Цзи Линьси в тупик. Он лишь сейчас впервые услышал название этой реформы — откуда ему было знать её содержание?

Юноша не смог вымолвить ни слова. Лицо наставника похолодело; он велел Линьси стоять до конца урока и строго отчитал остальных, предостерегая их от притворного усердия.

Цзи Линьси стоял неподвижно и смиренно, не пытаясь оправдаться. Однако стоило занятиям закончиться, как он, преодолевая боль в затёкших от холода ногах, догнал преподавателя и почтительно склонился перед ним:

— Учитель, я только недавно поступил в академию и прежде читал не так много книг. Прошу вас, наставьте меня: какие труды мне следует изучить в первую очередь? Я приложу все силы,

чтобы в следующий раз достойно ответить на ваши вопросы.

Наставник — это тот, кто передаёт путь, обучает ремеслу и рассеивает сомнения. Не каждого учителя можно назвать Наставником в истинном смысле этого слова; лишь те, кто обладает добродетелью и способен направлять младших, достойны такого звания. И когда перед тобой склоняется пригожий ученик, кротко называя тебя «учителем», трудно долго сохранять суровость.

Лицо мужчины слегка смягчилось:

— Твоё рвение похвально.

Он перечислил список книг, необходимых для изучения, и юноша, рассыпаясь в благодарностях, вернулся в класс.

Экзамены на степень цзюйжэня должны были состояться в восьмом месяце следующего года. До этого ему предстояло пройти уездные и окружные испытания, чтобы получить допуск. Времени оставалось совсем мало.

Тяжёлый учебный день подошёл к концу. Руки и ноги Цзи Линьси почти лишились чувствительности, но первым делом он бросился не в свою каморку, а в столовую академии.

Учёба требовала не только ясного ума, но и телесных сил. В обед он съел всего четыре паровые пампушки и теперь был голоден как дикий зверь.

Добравшись до столовой, он получил свою порцию — целых двенадцать лянов риса с грубыми овощами. Лишь когда первые несколько горстей риса исчезли в его желудке, Линьси почувствовал, что жизнь возвращается в его тело.

Аппетит у него всегда был отменный, но в годы нужды приходилось делить скудную трапезу на несколько частей, чтобы не умереть с голоду. Досыта он наедался разве что в поместье Ван, когда притворялся даосом-прорицателем.

Пожинав, юноша вернулся в комнату, прихватив таз с горячей водой. Он опустил окоченевшие, посиневшие ладони в воду и долго смотрел, как к ним медленно возвращается багровый цвет. Когда руки достаточно согрелись, он, воспользовавшись тем, что соученики ещё не вернулись, извлёк со дна своей постели заветную коробочку с Нефритовой мазью от шрамов. С величайшей осторожностью зачерпнув немного мази, он втёр её в кожу рук, а затем уткнулся лицом в ладони и глубоко вдохнул.

Тонкий, едва уловимый аромат. Это был запах прекрасного господина.

Усталость целого дня мгновенно отступила.

Пока он предавался грёзам, вдыхая этот родной аромат, снаружи слышались шаги — возвращались другие ученики. Линьси поспешно спрятал коробочку обратно под тюфяк.

Мгновение спустя дверь открылась. Ученики бросили на него удивлённый взгляд, но тут же отвернулись, перейдя на свои темы. Линьси видел их холодность к нему, «лишнему» человеку, но не спешил навязываться.

Его пыл предназначался лишь Чу Юю, и ничьё больше расположение его не заботило.

Умывшись остатками остывающей воды, он достал из узла свечу и зажёл её. Юноша вновь уткнулся в книгу и читал даже тогда, когда остальные улеглись спать, беззвучно шевеля губами и повторяя заученное.

Ночь сгущалась, холодный ветер просачивался сквозь щели в окнах. Линьси дрожал всем телом, а мирное сопение соучеников так и манило бросить всё и юркнуть под тёплое одеяло.

«Учитель сказал: люди говорят о себе: „Я мудр“. Но когда их гонят в сети, капканы и ямы, никто из них не знает, как спастись...»

Он прижал ладони к дрожащим плечам и снова потёр руки. Когда желание бросить всё и лечь спать стало почти невыносимым, он залез за пазуху и выудил шахматную фигуру, которую поглаживал уже бессчётное количество раз. Онемевшие пальцы едва удерживали её. Линьси прижал фигуру к губам, покрывая её поцелуями.

В его воображении он сам, облачённый в роскошные парчовые одежды, восседал в кресле, а прекрасный господин устроился у него на коленях. Он представлял, как сжимает пальцами подбородок принца, целуя его в губы, а тот, приложив палец к его лбу, мягко и кокетливо отстраняется:

«Супруг мой, почитай-ка ещё немного ради меня».

После такого воображаемого поощрения он с новым рвением прочёл ещё два десятка страниц.

Когда свеча почти догорела, юноша наконец остановился. Он был вполне доволен собой и уже собирался лечь, но, подумав, достал бумагу и кисть. При скудном свете гаснущего огарка он размашисто начертил несколько строк для себя:

«Шестнадцатый год правления Юнмина, зима, одиннадцатый месяц. День первый воздержания от страстей — выдержан без труда. К чтению прилежен. Очень тоскую по моему милому. Милый, не забывай меня».

Восточный дворец

— Апчхи!

Чу Юй вдруг громко чихнул.

Снаружи было ещё темно. Дворцовые слуги, приоткрыв тяжёлые двери ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь, поспешно вошли в покои.

За порогом свирепствовал ледяной ветер, но в зале царило тепло и уют. Воздух был пропитан тонким ароматом благовоний «Снежный след бессмертного». Этот состав, обладающий успокаивающим действием, был разработан в императорской аптеке и прошёл строжайшую проверку, прежде чем попасть в Восточный дворец для нужд наследного принца.

— Ваше Высочество.

Один слуга поставил на стол таз с горячей водой, двое других подвязали шёлковые завесы к колоннам и откинули полог кровати, готовясь помочь принцу с утренним туалетом.

Горячая вода для лица, полоскание рта, очищение губ. Затем — облачение в одежды и укладка волос. Слуги действовали безупречно и слаженно. Евнух Чэнь, распорядитель двора Его Высочества, всё ещё оправлялся от наказания императрицы, поэтому часть его обязанностей легла на плечи простых слуг.

Несмотря на то что Чу Юй обладал неземной красотой, слуги не смели поднимать глаз. Императрица Гунъе Нин строго следила за тем, чтобы её сына не окружали соблазны. Два года назад одна новая служанка в Восточном дворце попыталась ночью пробраться в постель к принцу. Тот лишь велел ей уйти, но на следующее утро государыня-мать забрала девушку, и с тех пор ту никто не видел.

Позже евнух Чэнь строго-настрого наказал всем: пока в Восточный дворец не войдёт законная супруга принца, никто не смеет даже помышлять о подобном — иначе смерть.

После такого грозного внушения, какой бы ангельской красотой ни обладал наследный принц, никто из слуг не смел на него смотреть. Сердца их были полны трепета и страха.

Прошло два года, но Восточный дворец так и не дождался своей хозяйки. Дважды императрица предлагала кандидатуры на роль наследной принцессы, и дважды император отвергал их. Покои принца по-прежнему оставались холодными и безлюдными.

Чу Юй не придавал этому значения. Вскоре ему предстояло отправиться на занятия в зал Вэньхуа. Янь Хуай, его соратник и сопровождающий, уже давно прибыл во дворец и ждал снаружи.

Когда слуга закрепил в волосах Его Высочества нефритовую заколку и отступил, принц поправил рукава и вышел из спальни. Холодный воздух коснулся его лица. Он увидел Янь Хуая, стоящего на крыльце.

— Слышал, Чжу Ци занемог и не сможет больше быть вашим спутником на учениях. Его место занял сын канцлера Вана, — Янь Хуай, как всегда, был осведомлён о последних новостях.

Принц кивнул:

— Так и есть.

Вокруг было слишком много лишних ушей, и он не стал продолжать разговор.

Они вместе направились в одну из палат Восточного дворца, чтобы позавтракать, и лишь после трапезы отправились в зал Вэньхуа. Сын канцлера, Ван Чии, уже ждал у входа. Сходя с паланкина, Его Высочество услышал, как тот надменно приказывает слуге опуститься на колени, чтобы вытереть его обувь.

Заметив принца, юноша лениво пнул коленопреклонённого слугу и, опустившись на землю, формально приветствовал:

— Ван Чии приветствует Его Высочество наследного принца. Желаю Вам тысячи лет жизни, тысячи и тысячи лет.

У него не было титула наследника удела, как у Янь Хуая, и он не мог похвастаться тем, что его эссе были отмечены государем, как у Шэнь Вэньчжи. У него не было даже права называть себя «верным слугой», поэтому он называл лишь своё имя.

По совету отца, стоило Чу Юю велеть ему подняться, как Ван Чии первым же делом взял у своего слуги колючую терновую ветвь и на вытянутых руках поднёс её принцу.

— Мой двоюродный дед оскорбил Ваше Высочество, и это преступление не имеет оправдания. Мой отец вымаливает прощение у Его Величества, я же прошу прощения у Вашего Высочества. Прошу, накажите меня по своему усмотрению.

Хотя слова его звучали как просьба о наказании, Ван Чии, стоя на коленях, слегка вскинул подбородок, и в его взгляде не было ни капли страха.

Отец сказал: нужно лишь сделать вид, принести это «покаяние с розгами». Принц не посмеет взять этот терновник, а уж тем более — ударить его.

Его Высочество опустил глаза на колючую ветвь.

Прут в руках Ван Чии был тонким и длинным, усеянным острыми шипами — прекрасное орудие пытки. Такой удар причинил бы не только боль, но и нестерпимый зуд.

Тонкие, бледные, словно выточенные из нефрита пальцы принца подхватили терновую ветвь за гладкий кончик. Он усмехнулся и с едва уловимой издёвкой повторил:

— Просишь наказания?

<http://bllate.org/book/15344/1373385>